

УДК 821.161.1

Православное мировидение М.А. Шолохова

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,

Южный федеральный университет,

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105;

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена православно-христианским взглядам М.А. Шолохова и их отражению в творчестве. Его феномен состоит не только в новаторских достижениях поэтики и эстетики, но и в мощной отечественной традиции православного и философского начал, ставших духовным стержнем нашей многовековой истории и вошедших через художественно-пластические образы в генотип русской культуры. Православие в его наследии олицетворяет собой образ жизни, мировосприятие народа, когда в этом недогматическом смысле русский писатель говорит о православном человеке, народе и мире. Многообразные в своём проявлении православные элементы, органично передают мировидение Шолохова, сознательное принятие автором «Тихого Дона» христианских принципов и ориентиров как данности народной жизни. Его идейно-творческий мир изначально формировался на глубинном освоении национального фольклора, бытовой стихии, сакральной книжности, народных представлений, в воспринятой у своего народа и воплощённой в художественных образах православной вере, в освоении всего духовного богатства культуры.

Через доверие и открытость к бытию проявляется принадлежность русского классика к национальному типу православно-христианского и философского сознания в традициях корифеев русской литературы. Его художественная топография в «Тихом Доне» имеет символическое христианское значение: многочисленные персонажи живут и мыслят время Рождеством,

Крещением, Великим Постом, Мясоедом, Пасхой, Троицей и другими праздничными датами – временными ориентирами и богослужебными обрядами русского человека-труженика. Во множестве рассыпаны по всему художественному полотну романа-эпопеи выразительные православные элементы веры. Данный тип мирозерцания многолико отражается и в других произведениях Шолохова, но особенно полно и впечатляюще в гениальном «Тихом Доне». По воле автора, на наш взгляд, в шолоховском эпосе проявляются определяющим образом три точки зрения (или линии) на судьбы действующих лиц: религиозная, народная и писательская.

Сегодня в шолоховедении накоплен весомый опыт осмысления религиозных мотивов в творчестве русского гения, позволяющий выдвинуть эвристическую гипотезу о том, что Шолохов как православный писатель, хотя и не воцерковлённый, ратовал в своих произведениях за примирение враждующих сторон в революции и гражданской войне. Его христианские идеи всепрощения, сострадания и покаяния – нравственный итог духовных и творческих исканий обладателя глубокого православного мировидения.

Ключевые слова

Православная вера, христианские принципы, фольклор, сакральная книжность, православный писатель, идеи всепрощения.

*«Кто не понимает в народе
нашем Православия и
окончательных целей его,
тот никогда не поймёт и
самого народа нашего».*

Ф.М. Достоевский

*«Русский Бог водил рукою
Шолохова».*

А.А. Проханов

Введение

Каждая эпоха в социокультурной жизни России вносит свой вклад в понимание и интерпретацию великих мастеров русской словесности. Казалось бы, весьма полно сказано о них в литературной науке, но Время настойчиво открывает ей новые уголки зрения и подходы к объекту исследования,

позволяя обнаружить новейшие грани и глубины постижения. Сегодня очевидно, что их феномен состоит не только в новаторских достижениях поэтики и эстетики, но и в мощной отечественной традиции православно-христианского и философского начал, ставших духовным стержнем нашей многовековой истории и вошедших через художественно-пластические образы в генотип русской культуры. Они с успехом брали на себя решение мировоззренческих, нравственно-этических, эстетических, социальных и иных задач в российском обществе.

Среди них Православие олицетворяет собой не только катехизис, но и *образ жизни, мировосприятие народа*, когда в этом недогматическом смысле говорят о православных основах в развитии русской культуры, литературы, о православном человеке, народе, мире и многом другом. Ф. Достоевский, объясняя своё понимание веры, утверждал, что наш народ «назвал себя *крестьянином, т.е. христианином*, и тут не одно только слово, тут идея на всё его будущее»¹. Сле-

дует отметить, что в советскую эпоху наиболее пронизательные и глубокие исследователи, не отмечая этого прямо, анализировали отдельные образы и мотивы шолоховских произведений в русле, соотносимом с принципами христианской этики. Центральным аксиологическим постулатом при этом является, по мнению И.А. Есаулова, признание того, что «русская литература не может быть адекватно описана, если литературовед в своей научной деятельности игнорирует, либо недооценивает те глубинные духовные токи национальной культуры, которые питают словесность»². О христианской ипостаси её, о кровной и неразрывной связи с православной традицией размышляли многие писатели и мыслители. Так, стержневую роль православного мировидения в развитии русской культуры отмечал ещё А. Пушкин, когда писал, что «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, даёт нам особенный национальный характер»³. О том же часто размышлял Ф. Достоевский: «В сущности, все народные начала у

1 Достоевский Ф.М. Дневник писателя за август 1880 г. // Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. Кн. 2. – М., 2007. – Достоевский Ф.М. Дневник писателя за август 1880 г. // Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. Кн. 2. – М., 2007. – С. 439.

2 Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск, 1995. – С. 42.

3 Пушкин А.С. Полн. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. – М., 1978. – С. 92-93.

нас сплошь вышли из Православия»⁴. Главное заключается в том, что русская культура (и литература в том числе) православна: она была пасхальной, спасительной и воскрешающей «мёртвые» и грешные души; она соборна, в ней Благодать всегда выше Закона. Таков общий итог предпринятых в последнее время исследований по изучению христианских традиций в русской литературе⁵.

Разножанровая проза и поэзия русских писателей-классиков имеет важнейшую стилевую особенность – «язык проговаривания» православно-нравственных и философско-эстетических проблем, растворённых в художественной ткани произведений всех родов и ставших их нормой жизни. В связи с этим оригинальными мыслителями на Руси являлись, несомненно, митрополит Иларион, иконописец Андрей Рублёв, великий князь киевский Владимир Мономах, протопоп Аввакум, труднообозримая в своём обилии галерея русских писателей от А.С. Пушкина до М.А. Шолохова и других современных классиков. «Русская философия очень конкретна, –

правомерно отмечал академик Д.С. Лихачёв. – Она чуждается абстрактной мысли и направлена, прежде всего, на *познание мира*, а не на гносеологические проблемы. Познание же мира как целого связано, прежде всего, с художественным его осмыслением».⁶ И с православно-христианским мировидением, добавим мы и сошлёмся на провидческую констатацию большого писателя Л.М. Леонова: «Предвижу, на протяжении ближайшего столетия раздумье об этом станет ведущей темой новой русской литературы, которая, верно, и возродится на сём материале до прежнего своего величия. То будет деятельное размышление насчёт тезиса о любви к ближнему в его прошлом, настоящем и будущем... Двадцать первый век будет веком напряжённых идейных исканий. Он будет характеризоваться большим *увеличением акций религиозной веры*. Подоспеют и критические события в жизни. Мы сейчас пресыщены всем, а в годы катаклизмов, потрясений, человек ищет, на чём укрепить дух свой. В такие периоды – *тяготение к вере*».⁷

4 Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. Кн. 1. – М., 2007. – С. 208.

5 Русская литература и христианство. – СПб., 1996. – 172 с.

6 Лихачёв Д.С. Заметки и наблюдения. – Л.: Советский писатель, 1989. – С. 499-500.

7 Петелин В. Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью. – М.: Голос, 1999. – С. 224.

Появившиеся в последнее время работы И.А. Есаулова, М.М. Дунаева, Г.С. Ермолаева, В.С. Непомнящего, В.А. Воропаева, В.Н. Захарова, А.А. Ильина, В.В. Кожина, Ю.И. Сохрякова, В.Ю. Троицкого и некоторых других справедливо рассматривают классическую и современную русскую литературу в контексте православной культуры, подключаясь к той духовной философской традиции, согласно которой русская мысль определяется по преимуществу как религиозная, возвращают отечественное литературоведение, в том числе шолоховедение, к христианской системе координат. Они исходят из признания того несомненного факта, что «православный тип духовности формирует магистральный вектор развития русской культуры в целом».⁸ Оправданность подхода к пониманию литературного процесса с позиций Абсолюта, Высшего идеала Христовых заповедей вновь и вновь объясняется ими тем, что «русская классическая литература не только вышла из Летописи и Житий Святых, но всегда хранила в себе сокровенное зерно веры».⁹

8 Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество (пер. с англ.). – СПб.: Акад. проект, 2000. – С. 13.

9 Казин А.Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 8.

Традиции православной духовности и философствования

Данное обстоятельство проливает свет на нравственно-этическое и философское содержание художественного мира Шолохова, выразителя национального духа, крупной знаковой фигуры в русской и мировой литературе XX-XXI веков. Творчески наследуя достижения классиков-предшественников, претворяя их метод в «искусство правды жизни» как тип реализма, он чутко воспринимал также их православную духовность и философскую почву-основу, движение отечественного исторического сознания с духовно-религиозной традицией народа. В нравственных ориентациях шолоховских произведений проявляется *ядро этнической культуры русского народа*: оно включает в себя систему регулятивов и интегративную характеристику его ментальности. Названное объективно сформированное качество даёт возможность русскому классику говорить голосом своей национальной культуры, представлять её историю, современный морально-этический и интеллектуальный потенциал. Постигание наукой православного мирови-

дения Шолохова-философа в русской традиции определяется его сложнейшими связями с «силовыми линиями эпохи», социально-историческим развитием общества. Прав в своих выводах В.А. Юдин, когда полагает, что в нём «бытие телесное и духовное могут непостижимым образом сопрягаться, взаимодействовать».¹⁰ В этом убеждают нас исповедальные мысли самого писателя: «Как долго идёт к заветной цели человечество – тысячелетия! – и сколько ещё будет идти! Жизнь – от Бога, власть – от Бога, жизненный порядок – от Бога. Бог даёт, Бог и берёт. Что Бог ни даёт – всё к лучшему. Господь терпел и нам велел. Пусть это теперь кажется наивным, невежественным, даже реакционным. Назовите это опиумом. Назовите, как хотите. Но только это воспитывало в человеке отношение к жизни как к чему-то такому, чего переделать... никому не дано. Как к чему-то бесконечно прочному, устойчивому, несоизмеримому с человеческими силами и возможностями. Человек с детства учился стойкости, приучался винить в своих неудачах самого себя, а не

10 Юдин В.А. Православно-христианский аспект эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Журналистика: информационное пространство. – 2002. – № 1. – С. 127.

внешние, не подвластные ему обстоятельства. Кажется, только при какой-то подобной почве и может расти духовно здоровый человек».¹¹

В последние десятилетия, словно навёрстывая упущенное, всё больше филологов, философов и культурологов – А.А. Дырдин, С.Н. Семанов, В.А. Юдин, Н.В. Ершова, В.И. Матушкина, Н.В. Стюфляева, А.П. Чалова и некоторые другие – активно исследуют православно-христианские аспекты мировидения Шолохова в сопряжении с его философствованием. Оно выражает самую широкую взаимосвязь горнего и дольного, небесного и земного, логического и эмоционального, понятийного и образного начал. На этой основе создаётся особый тип дискурсивно-образного мышления, который столь впечатляюще проявляется в творчестве русского гения, являясь прямой проекцией состояния и уровня духовности советского и постсоветского общества. Названное обстоятельство позволяет не только глубже понять проблемно-эстетическое звучание произведений Шолохова, но и вписать их в традиционный философско-религиозный и нравственно-этический контекст

11 Шолохов М.А. По велению души. – М.: Молодая гвардия, 1970. – С. 376.

отечественной культуры, подняв на новый уровень современное шолоховедение.

Наша попытка осмыслить и обобщить православно-христианские взгляды Шолохова и их отражение в его творчестве, предпринятая в данной статье, далеко не первая. С начала 1990-х годов отечественные исследователи констатировали в качестве основы многообразные в своём проявлении православные элементы, органически составляющие мировосприятие русского художника, сознательное приятие автором «Тихого Дона» христианских принципов и ориентиров как данности народной жизни. Его идейно-творческий мир изначально формировался в освоении фольклора, бытовой стихии, сакральной книжности, народных представлениях, в воспринятой у народа и воплощённой в художественных образах православной вере, в освоении всего богатства отечественной и мировой культуры.

Прорыв в изучении «неизвестного Шолохова»

Категория православных основ творчества и личностной философии обрела в России право на существование только в 1990-е годы, когда

появилась возможность осуществить прорыв в изучении «неизвестного Шолохова» и ряда других современных классиков, прорыв, способствующий более полному представлению о его незаурядной творческой личности. Не случайно тогда же заявила о себе в публицистике и критике принципиальная позиция А. Знаменского, И. Коноваловой, В. Хавчина и других о своеобразной «закодированности», «зашифрованности» произведений Шолохова, необходимости вдумчиво прочесть их заново, отбросив вульгарно-социологическую мифологию в прошлое. В противовес идеологическим и политическим усилиям геростратов России и её великой культуры, организовавшим долговременное преследование русского таланта, с особой силой и твёрдостью укрепилось мнение о том, что романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина», рассказ «Судьба человека» по масштабности выраженных в них идей, высокой художественности и богатству жизненных концепций не имеют себе равных в современной словесности.

Так, ростовский профессор филологии Н.И. Глушков справедливо фиксировал, что «глубочайшей мудростью нашего столетия в отече-

ственной литературе являются три произведения М. Шолохова. «Тихий Дон» сам собой, и особенно вместе с «Поднятой целиной» и «Судьбой человека» – *художественная энциклопедия русской жизни* с не меньшим правом на такое определение, нежели «Евгений Онегин». ¹² Прозу Шолохова ещё не принято называть философской, обоснованно полагал учёный, ибо он и его герои «не философствуют и в десятую часть того, чем привычна для нас «рассудочная проза» Ф. Достоевского, Л. Леонова, А. Платонова, М. Пришвина. И всё ж таки...» (Там же). «Как оказался *философский* ключ к тайнам революционной эпохи в руках 20-летнего юноши?» – звучит справедливый и отнюдь не риторический вопрос для современной науки, в неблагоприятных целях поставленный лукавым критиком, ¹³ явно не стремившимся найти на него объективный ответ...

Плодотворно находить этот философский и православно-христианский ключ начали в 1990-е годы А.И. Хватов, Н.И. Глушков, Ю.А. Жданов, Е.А. Костин и другие авторы

12 Глушков Н.И. Реализм М. Шолохова. – Ростов н/Д., 1997. – С. 5.

13 Медведев Р. Загадки мнимые и реальные // Вопросы литературы. – 1989. – № 8. – С. 173.

работ по проблематике традиционных «Шолоховских чтений» на Дону (см. выпуски 1990-2005 гг. в Ростове-на-Дону, «Вёшенский вестник» 2001-2012 гг.) и Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова (выпуски 2001-2013 гг.). Весомо заявляет об этой тенденции Е.А. Костин в очерке «Философские аспекты эстетики Шолохова». «Сегодня самым решительным образом встаёт вопрос об особенностях и специфике философского (и православно-христианского. – Н.С.) духа, философского сознания в творчестве М. Шолохова. Воссозданная великим художником действительность в своих реальных противоречиях и конфликтах выступила, с одной стороны, как известный диалог «первичной» реальности, а с другой – как воплощение некой практической философии. Замечательно, что в наше время решительного обновления разнообразных исторических и художественных оценок прошлой истории страны и культуры, шолоховское творчество – прежде всего «Тихий Дон» – выступает как *адекватное отражение эпохи*. Это возможно только в том случае, если перед нами представлена та правда постижения жизни, которая не растворяется во времени и не из-

меняет свой облик в связи с новым политическим курсом». ¹⁴ Пристального внимания заслуживают категории войны и мира, жизни и смерти, смерти и вечной природы, ноосферы в произведениях Мастера, их философско-религиозная интерпретация. Так как эти категории трактуются писателем-эпиком весьма широко, то в пределах проблем он выясняет причины трагического раскола бытия на крутых поворотах национальной истории. При всей её противоречивости целостное видение жизни выступает в художественном мире Шолохова как несомненная философская проблема, так как роман невозможен без постановки проблем бытия, в том числе его православных основ. Стержневой видится в эпосе *проблема человека*, о которой говорили русские философы Серебряного века. На перипетиях трагического «хождения по мукам» человек из народа Григорий Мелехов достигает предельной степени самопонимания и самовыражения, нравственного и психологического развития: «Неправильный у жизни ход, и, может, и я в этом виноватый» (III, 255). Во многих его поступках проявляются глубинные

христианские и гражданские интенции. В отражённой «Тихим Доном» диалектике противоречий российской действительности, подчёркивал Н.И. Глушков, «Григорий Мелехов в этих обстоятельствах – «без вины виноватый» русский казак-правдолюб, честнее всех соратников и врагов в системе персонажей эпопеи. Виноват он только перед Натальей». ¹⁵

Природно-церковный календарь в творчестве Шолохова

Через «доверие к бытию, открытость к бытию» ¹⁶ осмыслиется принадлежность романиста к национальному типу православно-христианского и философского сознания в традициях корифеев русской классики. Наш народ-земледелец живёт согласно природно-церковному календарю. Художественная топография Шолохова в «Тихом Доне» имеет символическое христианское значение. Его многочис-

14 Костин Е.А. Философия и эстетика русской литературы. – Вильнюс: Vaga, 2010. – С. 103.

15 Глушков Н.И. Национальная совесть М.А. Шолохова в расколоте зеркала литературной критики сегодня // Шолоховские чтения. Творчество писателя в национальной культуре России. Сб. ст. – Ростов н/Д., 2000. – С. 131.

16 Михайлов А. Гоголь и его литературная эпоха // Гоголь: история и современность. – М.: Сов. Россия, 1985. – С. 108.

ленные персонажи мыслят время Рождеством, Святками, Крещением, Великим Постом, Мясоедом, Масленицей, Пасхой, Троицей и многими другими праздничными датами – временными ориентирами и богослужебными обрядами русского человека-труженика. В этом извечном годовом цикле Священной истории он традиционно жил и творил. Так, Троица – один из самых упоминаемых православных праздников в шолоховском эпосе. Более того, он играет определённую роль в развитии одной из важнейших сюжетных линий романа, так как использован в качестве драматической завязки истории любви Григория и Аксины. «Шёпотом гутарили по хутору, что Прокофьева жена ведьмачит. Сноха Астаховых (жили Астаховы от хутора крайние к Прокофию) божилась, будто *на второй день Троицы*, перед светом, видела, как Прокофьева жена, простоволосая и босая, доила на их базу корову».¹⁷ Изначально в отношениях Мелеховых и Астаховых возникает с появлением сплетни трещина, впервые предсказывающая трагические последствия для любящих.

В великом множестве рассыпаны по всему художественному полот-

---

17 Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. – М.: Правда, 1975. – С. 13.

ну «Тихого Дона» выразительные православные элементы веры. К примеру, «*От обедни* рассыпался по улицам народ» (С. 19); «Пантелей Прокофьевич, посоветовавшись с Ильиничной, порешил – если сосватают у Коршуновых, отложат свадьбу *до крайнего Спаса*» (С. 80); «Сводить жениха с невестой порешили *на первый Спас*» (С. 89); «Свадьбу назначили *на первый Мясоед*. *На Успенье* приезжал Григорий проведать невесту» (С. 93); «Григорий с женой выехали пахать за три дня *до Покрова*» (С. 133); «Ростепель держалась *до Михайлова дня*» (С. 141); «На четвёртой неделе *Поста* сдала зима. – Вы бы, батя, на *Страстной неделе* говели, всё потеплеет к тому времени» С.181); «Гаврила Майданников – муж Пелагеи – писал из Лодзи, сулился прийти к *Пасхе*» (С. 195); «В горенке сидел дед Гришака, читал затрёпанное, закапанное воском, в кожаном переплёте *Евангелие*» (С. 197); «Пойдём к светлой *заутрене*» (С. 199) и многие другие. Подобное понимание народом времени предстаёт духовной и бытовой основой творчества Шолохова.

Данный тип мирозерцания многолико отражается и в других произведениях Шолохова, но особенно полно и впечатляюще в «Тихом Доне».

По воле автора, на наш взгляд, в эпосе проявляются определяющим образом *три линии* (или точки зрения) на судьбы действующих лиц: *религиозная, народная и писательская*. Высокая трагедийно-страстная любовь Григория и Аксиньи вызывает совпадение, хотя это не всегда случается, всех точек зрения, так как она греховна: из-за неё страдают его жена, её муж, родители, близкие. «Но они жили, почти не таясь, вязало их что-то большее, не похожее на короткую связь, и потому *в хуторе решили*, что это преступно, безнравственно, и хутор прижух в поганеньком выжиданьице: придёт Степан – узелок развяжет» (I. 57-58).¹⁸ Неизбежна трагическая развязка – наказание Господне за нарушение одной из ключевых заповедей; иного финала романа просто не видится. Концепция любви по-человечески обаятельных героев строится у Шолохова в строгой соотнесённости с Православным писанием. Аксинья – не случайная жертва случайного выстрела: своей гибелью она искупает вину за греховную любовную связь перед Всевышним. В русле сказанного находятся судьбы Григория, Натальи, Дарьи и Пантелея Прокофьевича Мелеховых. Наталья непрослительно грешна в том, что со-

¹⁸ Там же.

вершает попытку самоубийства накануне Пасхи и желает смерти мужа, вызывая к помощи Господа. Дарья осуждена им за безнравственное поведение, а Мелехов-старший нарушил одну из основных заповедей Его – «не укради!». Не избежали Божьего суда многие персонажи «Тихого Дона».

Филолог В.И. Матушкина и школьный учитель литературы А. Чижов обращают внимание на проявление христианских мотивов в другом великом романе Шолохова – «Поднятая целина». Для подпоручика Лятевского, чужеродного казачьей массе и всему новому, настольной книгой является известный роман польского писателя Генрика Сенкевича «Камо грядеши». Явно не случаен выбор автором данного произведения, в котором отражены духовные катаклизмы и трагические столкновения *раннего христианства* и многовекового язычества в эпоху Нерона.¹⁹ В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» (1934) он заявил о своём желании «дать художественное противостояние этих двух миров, один из которых являл собою всемогущую правящую

¹⁹ Матушкина В.И. Л. Леонов и М. Шолохов о роли духовенства в истории России // Шолоховские чтения. Сб. науч. трудов. Вып. 4 / Отв. ред. Ю.Г. Круглов. – М., 2004. – С. 62.

силу административной машины, а другой представлял *исключительную духовную силу*». ²⁰ Тем самым иносказательно Шолохов передал свой интерес к нравственно-этическому состоянию общества и современной эпохи. Поражён своим неожиданным открытием А. Чижов: «...употребление библейских выражений героями шолоховского романа мы видим по разным причинам и в разных ситуациях: кулак и, казалось бы, действительно верующий человек, Лапшинов иногда употребляет их в целях оправдания своей «излишней рачительности» и «нераспорядка к Богу»; коммунист-безбожник Макар Нагульнов доносит их ложно и в целях, по его же словам, «антирелигиозной пропаганды»; дед Щукарь, вроде бы верующий, и потому читает молитвы, и в то же время, как неверующий, а потому придумывает «приметы» из Евангелия от Матфея, которых на самом деле нет в данном произведении». ²¹

Несколько особняком, замечает С.Н. Семанов, находится в дан-

ном ряду рассказ «Судьба человека», в котором жизнеописание простого русского труженика Андрея Соколова предстаёт «в чистом виде религиозная притча про Иова Многострадального, перенесённая в трагическую русскую быль XX столетия». Страдания, мытарства, «нелюдские муки», многотерпение и стойкость есть «выражение веры в благой промысел Господний». ²²

В монографии «Этюды о Михаиле Шолохове» (М., 2009) А.А. Дырдин обращает внимание на сложный религиозно-культурный контекст «Тихого Дона», проявляемый в построении образов, пейзажных зарисовках, в словесно-стилевой структуре, идейном пафосе произведения, и обнаруживает тесную связь художественно-эстетической мысли автора с народным православием. Он акцентирует внимание на образах Григория Мелехова и деда Гришаки, характеризуя их в русле православной антропологии и придавая особое значение авторским взглядам на войну, что позволяет литературоведу видеть в их художественном воплощении

²⁰ Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. – М.: Терра-Книжный клуб, 2002. – С. 189.

²¹ Чижов А. Использование библейских выражений в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина» // Дон. – 2012. – № 1-6. – С. 243.

²² Семанов С.Н. Православие и Михаил Шолохов (к 105-летию со дня рождения). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.voskres.ru/literature/critics/semanov.htm

своеобразный «христианский реализм» писателя. «Анализ пороговых ситуаций романа-эпопеи позволяет говорить о народно-христианских интуициях автора. Шолохов разделяет чувство мира и веру своих героев-казаков, исповедуя истину без малейшего искажения... Связь писателя с Православием трудно оспорить. Шолоховское видение истории казачества, любовь к Дону, а через неё – ко всей России обретает на этой почве подлинную глубину».²³ Изображение военных событий в «Тихом Доне», развивает А.А. Дырдин свой новаторский подход к автору романа, корректируется его народно-православным миропониманием. Как историческая катастрофа, война противна сознанию христианина. И всё же для Шолохова период войн и революций – это время, когда одухотворённая личность поднимается до уяснения жизненных истин и пробуждается в ней дремлющая энергия духа, человеческое достоинство. Опытный литературовед справедливо отмечает неизбежные трудности и множество нерешённых вопросов, с которыми сталкивается каждый исследователь, стремящийся

---

23 Дырдин А.А. Этюды о Михаиле Шолохове. – М.: Шолоховская школа, 2009. – С. 52.

постигнуть вероисповедные основы всего наследия певца России. Обозначенные им подходы к малоизученным проблемам связи Мастера с национальным самосознанием и духовной культурой народа оказались весьма продуктивными, что позволило и другим учёным сделать ряд ценных наблюдений, касающихся поэтики великого романа и мировоззренческой специфики его автора.

В частности, Н.В. Стюфляева рассматривает творчество писателя с позиций православной духовности, исходя из предположения, что «автор «Тихого Дона» как художник – сознательно или подсознательно – ориентируется на такую родовую категорию русской культуры, как *соборность*». В ожесточённом конфликте белых и красных диссертант правомерно видит «следствие более глубокого, онтологического, противостояния мирового Добра и Зла, которое определяется как столкновение двух типов нравственного и культурного развития человечества – соборности и индивидуализма; историческая судьба России в XX веке осмысливается Шолоховым в рамках апокалипсической символики».²⁴

---

24 Стюфляева Н.В. Идея соборности и её художественное воплощение в романе

Н.В. Ершова даёт сопоставительный анализ трагического героя в романах «Тихий Дон» и «Я пришёл дать вам волю» В. Шукшина в русле христианской антропологии и аксиологии. Впервые исследовав *своеволие* как источник трагического в жизни Григория Мелехова, Евгения Листницкого и Степана Разина, она предпринимает попытку нового толкования сущности трагического героя в эпосе: судьба его осмысливается как путь к покаянию, смирению, как несение креста²⁵...

А.П. Чалова, более того, видит в художественном мире «Тихого Дона» *систему христианских элементов*: «Весь пласт библейских мотивов оказывается не только весьма содержательным, но и чрезвычайно органичным, даже имманентным художественному миру «Тихого Дона». Подчиняясь художественной интуиции, писатель обращается к православной культуре русского народа, к идеям и образам христианской вероу-

---

М.А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2004. – С. 5.

25 Ершова Н.В. Трагический герой в творчестве М.А. Шолохова и В.М. Шукшина (по романам «Тихий Дон» и «Я пришёл дать вам волю»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2002. – С. 2.

чительной литературы. В этом смысле Шолохов наследует традицию всей русской литературы предшествующих веков».²⁶ Автор использует такие элементы интертекста, как архетип, житийный сюжет, пророчества, цитата, реминисценция. С целью усиления образа Григория Мелехова, полагает она, Шолохов обращается к притче о блудном сыне и притче о мытаре и фарисее. В образе деда Гришаки просматриваются черты пророка, юродивого, мученика; житийный сюжет в различных вариациях и его элементы накладываются на рассказ о судьбах героев. Персонажи раскрываются через своё отношение к ценностям Православия, которые играют всё большую роль в идейной концепции, в формировании итогового смысла «Тихого Дона». Возрастает значение христианских мотивов в создании образов персонажей и авторской оценки их поступков, христианская составляющая эпоса наполняется всё большим содержательным смыслом. Она оказывает решающее влияние на идейно-художественную концепцию и особенности поэтики произведения, а также на специфику

---

26 Чалова А.П. Система христианских мотивов в художественном мире «Тихого Дона» М.А. Шолохова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Сургут, 2007. – С. 18.

творческой методологии Шолохова. (Там же. С. 19).

Изучая сложный религиозный контекст «Тихого Дона», С.Г. Семёнова, Л.Г. Сатарова, М.М. Дунаев, И.И. Цыценко, А.Н. Шамаро и другие также отмечают, что шолоховская эпопея содержит *целый массив* тем, образов и мотивов, связанных с православными идеями и ценностями, с текстом Священного Писания. В обстоятельном изображении тех сторон народной жизни, которые связаны с Православием, филологи справедливо видят, прежде всего, *верность исторической правде*. Вместе с тем шолоховеды фиксируют, что многочисленные библейские образы и цитаты в речах автора и персонажей являются в романе *важным элементом эпического повествования*. В целом, по мнению ряда литературоведов (А.А. Дырдин, Е.Н. Тамарченко, Г.С. Ермолаев, А.В. Казина, И.И. Цыценко, А.П. Чалова), Художник зачастую передаёт в «Тихом Доне» и опасную утрату веры в народе.

Шолохов – философ в русской традиции

«Философский императив Шолохова» – постоянные раздумья

о жизни и действительности как о несомненной целостности, которую не способны разложить или подвергнуть сомнению самые радикальные идеи XX-XXI веков. Некоторые исследователи творчества Шолохова справедливо говорят о его православном мироощущении, разлитом в его произведениях и выступающем как преодоление крайнего субъективизма, своеволия, признание духовного и материального единства мира. Вместе с тем шолоховское мировосприятие осложнено драматизмом народного бытия на стыке двух исторических эпох. Проявляется его «всеохватная позитивность» (Е.А. Костин), когда в художественном мире прозаика постоянно присутствует и варьируется мотив жизни как ценности состояния и бесконечного процесса развития, что позволяет проявиться *этнотрадиции*, свойственной его православным и философским основам мировидения, художественному творчеству в целом.

«Жизненный мир» Шолохова есть выстраданный опыт его народа, пропущенный через авторское видение и включающий православную религию, философию, мораль, славянскую мифологию и богатейшее бытие мира как нерушимую целостность жизни народа. Отсюда широкая

экзистенциальная проблематика в его творчестве, преодоление вульгарного монизма и материализма через осмысление духовности и сознания в жизни человека, проблем герменевтики и феноменологии.

Шолохову духовно близка *русская идея*, что проявилось в освоении одного из её аспектов – характерологическом исследовании народной души. «Вот эта способность наделять каждого собственными чертами, создать неповторимое лицо, неповторимый внутренний человеческий строй – эта огромная способность сразу взмыла Шолохова, и его увидели», – прозорливо отмечал «крестный отец» писателя в большой литературе А.С. Серафимович.²⁷ Именно русская черта ментальности – всепонимание, милосердие, сострадание, жалость, способность стать на точку зрения другого, пережить чужую боль как свою – есть сердцевина русской идеи, столь глубоко осмысленной и освоенной художником. Горизонты этического мира оформляются под его пером как духовно-ценностная алгебра его жизненной философии и развивающаяся система. Академик

Ю.А. Жданов развил философски и проследил в «эстетически великолепной форме» шолоховского творчества «важнейшую значимость русской национальной идеи: поиск социальной справедливости с опорой на традиции общинного духа, казачьей дружинной солидарности, артельной кооперативности (как сказал бы Д.И. Менделеев)». Его «бесконечное по своей глубине творчество является *гениальным воплощением диалектики идеи* в художественно совершенной, эстетически великолепной форме».²⁸

Творческой личности Шолохова присуща цельность нравственного идеала как своеобразной единицы измерения. Особую роль в его богатейшем наследии занимает *этика* – «практическая философия», система, тяготеющая к постановке православных нравственно-философских проблем: смысла человеческого существования, свободы и воли, счастья и долга, любви и семьи, должного и сущего. Нравственные основы бытия убедительно прослеживаются в темах земли, «малой родины», казачьекрестьянского дома, России... «Очарование человека», важность в людях

27 Серафимович А.С. «Тихий Дон» // Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. – М., 1960. – С. 345.

28 Жданов Ю.А., Давидович Е.В. Проблемы теории и истории культуры // Сущность культуры. Изд. 2-е. – Ростов н/Д., 2005. – С. 114, 116.

«чудинки человеческой» есть шолоховское видение этического. «В каждом человеке он видит человека, по-евангельски – образ и подобие Божие», – утверждает о. Димитрий Дудко.²⁹

Православно-христианские начала Шолохова в сочетании с его философско-эстетическими взглядами формировались в русле духовных исканий, совпадающих с народным пониманием нравственности. Для него специфично сближение этики с эстетикой, превалирования темы духовного пространства, в котором присутствует постоянный диалог Добра и Зла, причём, спор ведут неравнозначные величины.

В трактовке Мастера казачий хутор или станица есть понятие не столько географическое, сколько социальное, нравственное, национальное, где сходится весь комплекс неоднозначных человеческих отношений и переживаний. В судьбах и характерах персонажей нашли отражение существенные черты духовности времени, прошлого и настоящего. Шолохов-художник выразил своим искусством важнейшую тенденцию мировой литературы XX-XXI столетий: повествуя о

родном Донском крае, он создал свой оригинальный *микрокосмос*, который обрёл всечеловеческую масштабность, как, например, американский Юг в прозе У. Фолкнера или скандинавский Север в романистике норвежца К. Гамсуна, во многом определившую его притягательную силу на Родине и за рубежом.

Заключение

Православно-философско-художественная система Шолохова имеет свои постоянные координаты Правды, Добра, Красоты, Труда, Мечты, Праздника. Христианские раздумья писателя о жизни народной и индивидуальной лежат в русле философских размышлений о человеке, духовно-нравственных ценностях народа в связи с социальными потрясениями России. Он пропустил через своё христианско-аналитическое сознание болевые проблемы истории и современности, судьбы людей с мятущимися, ищущими Истину душами. В результате такого углублённого подхода выкристаллизовалась важная для шолоховского наследия проблема национально-генетической памяти, позволившей осмыслить «болезнь» православной души многочисленных

²⁹ Отец Дудко Дм. О Шолохове // Лит. газета. – 2012. – № 18. – С. 8.

персонажей, при которой обнаруживаются находки глубинно-интуитивного «я» в гносеологии. Распавшийся казачье-крестьянский род правомерно осознаётся им как глобальная проблема экологии человека, защиты его духовных ценностей. Именно потому истоки трагического видятся пронзительному взору гуманиста в социально-нравственном и экзистенциальном процессах разлома российской (русской) деревни. Исследованию души человеческой подчинены все элементы его этико-художественной структуры. Нравственный ориентир предстаёт определяющим в системе жизненных и эстетических оценок романиста. Нравственность формирует человека и выступает его высшей мерой. Не случайно о. Дим. Дудко настаивает на том, что «по его произведениям можно судить о религиозной линии, проходящей в наших сердцах» (там же).

Неутомимые искания в масштабах вечных категорий человеческого духа вывели шолоховскую формулу реализма – «искусство правды жизни». Он показал своих персонажей как воплощение народных православно-христианских ценностей, которые складывались веками и стали кодексом нравственного и социального поведения. Сегодня в шолоховедении уже

накоплен весомый опыт осмысления религиозных мотивов в наследии гениального писателя. Этот опыт позволяет исследователям выдвинуть эвристическую гипотезу о том, что Шолохов как православный писатель (в письме А. Калинину от 26.06.1970 года назвал себя «старым церковником»), хотя и не воцерковленный, ратовал в своих произведениях за *примирение* враждующих сторон в революции и гражданской войне. Его *христианские идеи прощения, сострадания и покаяния* – нравственный итог духовных и творческих исканий обладателя глубокого православного мироощущения.³⁰ Они оказали решающее влияние на формирование творческой личности великого писателя. Судьба и творчество русского классика духовно утверждают глобальный постулат православно-эстетического мировидения и художественного самовыражения, позволяющих не только глубже понять шолоховское наследие, но и вписать его в традиционный философско-религиозный и нравственно-этический контекст русской культуры ушедшего и наступившего веков.

30 Семанов С.Н. Православие и Михаил Шолохов (к 105-летию со дня рождения). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.voskres.ru/literature/critics/semanov.htm

Библиография

1. Глушков Н.И. Национальная совесть М.А. Шолохова в расколотом зеркале литературной критики сегодня // Шолоховские чтения. Творчество писателя в национальной культуре России. Сб. ст. – Ростов н/Д., 2000. – С. 131.
2. Глушков Н.И. Реализм М. Шолохова. – Ростов н/Д., 1997. – 61 с.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. // Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. Кн. 1. – М., 2007. – С. 208.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за август 1880 г. // Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. Кн. 2. – М., 2007. – С. 439.
5. Дырдин А.А. Этюды о Михаиле Шолохове. – М.: Шолоховская школа, 2009. – 137 с.
6. Ермолаев Г.С. Михаил Шолохов и его творчество (пер. с англ.). – СПб.: Акад. проект, 2000. – 441 с.
7. Ершова Н.В. Трагический герой в творчестве М.А. Шолохова и В.М. Шукшина (по романам «Тихий Дон» и «Я пришёл дать вам волю»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2002. – 179 с.
8. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск, 1995. – 288 с.
9. Жданов Ю.А., Давидович Е.В. Проблемы теории и истории культуры // Сущность культуры. Изд. 2-е. – Ростов н/Д., 2005. – С. 114-116.
10. Казин А.Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции. – СПб.: Алетейя, 2000. – 432 с.
11. Костин Е.А. Философия и эстетика русской литературы. – Вильнюс: Vaga, 2010. – 432 с.
12. Лихачёв Д.С. Заметки и наблюдения. – Л.: Советский писатель, 1989. – 607 с.
13. Матушкина В.И. Л. Леонов и М. Шолохов о роли духовенства в истории России // Шолоховские чтения. Сб. науч. трудов. Вып. 4 / Отв. ред. Ю.Г. Круглов. – М., 2004. – С. 62.
14. Медведев Р. Загадки мнимые и реальные // Вопросы литературы. – 1989. – № 8. – С. 173.
15. Михайлов А. Гоголь и его литературная эпоха // Гоголь: история и современность. – М.: Сов. Россия, 1985. – С. 108.

16. Отец Дудко Дм. О Шолохове // Лит. газета. – 2012. – № 18. – С. 8.
17. Петелин В. Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью. – М.: Голос, 1999. – 624 с.
18. Пушкин А.С. Полн. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8. – М., 1978. – 502 с.
19. Русская литература и христианство. – СПб., 1996. – 172 с.
20. Семанов С.Н. Православие и Михаил Шолохов (к 105-летию со дня рождения). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.voskres.ru/literature/critics/semanov.htm
21. Серафимович А.С. «Тихий Дон» // Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. – М., 1960. – С. 345.
22. Стюфляева Н.В. Идея соборности и её художественное воплощение в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2004. – 19 с.
23. Чалова А.П. Система христианских мотивов в художественном мире «Тихого Дона» М.А. Шолохова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Сургут, 2007. – 21 с.
24. Чижов А. Использование библейских выражений в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина» // Дон. – 2012. – № 1-6. – С. 243.
25. Шолохов М.А. По велению души. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 399 с.
26. Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. – М.: Правда, 1975. – 384 с.
27. Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. – М.: Терра-Книжный клуб, 2002. – 384 с.
28. Юдин В.А. Православно-христианский аспект эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Журналистика: информационное пространство. – 2002. – № 1. – С. 127.

M.A. Sholokhov orthodox world view

Stopchenko Nikolai Ivanovich

Full Doctor of Culturology, professor,
Southern Federal University,

P.O. Box 344006, Bolshaya Sadovaya str., No. 105, Rostov-on-Don, Russia;

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

Orthodox, philosophical and art system of Sholokhov has constant coordinates of Truth, Goodness, Beauty, Work, Dream and Holiday. Christian writer's thoughts about common and individual life goes through the philosophical reflections of a man, spiritual and moral values of the people in relation to the social upheavals in Russia. He let his Christian-analytical consciousness pass through painful problems of history and modernity, the fate of people with restless, seeking the truth souls. As a result of such an in-depth approach jelled an important for Sholokhov's heritage issue of national and genetic memory, which enabled to comprehend the "disease" of the Orthodox soul of numerous characters, wherein revealed findings of the deep-intuitive "ego" in epistemology. He recognizes the decayed Cossack-peasant race legally as a global problem of human ecology, protection of its intellectual property. It is because of the origins of the tragic are seen for the penetrating gaze of humanist in socio-moral and existential processes of the Russian village split. The study of the human soul is in charge of all the elements of its ethical and artistic structure. Moral guideline appears as determining in the system of life and aesthetic judgments of the novelist.

Keywords

Orthodox faith, Christian principles, folklore, sacred book-learning, Orthodox writer, ideas of forgiveness.

References

1. Chalova, A.P. (2007), *The system of Christian motifs in the art world of M.A. Sholokhov's "Quiet Flows the Don": Author's thesis* [*Sistema khristianskikh motivov v khudozhestvennom mire "Tikhogo Dona" M.A. Sholokhova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*], Surgut, 21 p.
2. Chizhov, A. (2012), "Use of biblical expressions in the novel of M.A. Sholokhov "Virgin Soil Upturned" ["Ispol'zovanie bibleiskikh vyrazhenii v romane M.A. Sholokhova "Podnyataya tselina"], *Don*, No. 1-6, p. 243.
3. Dostoevskii, F.M. (2007), "Writer's Diary of 1876", *Collected Works. In 9 vols. Vol. 9. Book 1* ["Dnevnik pisatelya za 1876 g.", *Sobr. soch.: V 9 t. T. 9. Kn. 1*], Moscow, p. 208.

4. Dostoevskii, F.M. (2007), "Writer's Diary of August, 1876", *Collected Works. In 9 vols. Vol. 9. Book 2* ["Dnevnik pisatelya za avgust 1880 g.", *Sobr. soch.: V 9 t. T. 9. Kn. 2*], Moscow, p. 439.
5. Dyrdin, A.A. (2009), *Studies on Mikhail Sholokhov [Etyudy o Mikhaile Sholokhove]*, Sholokhovskaya shkola, Moscow, 137 p.
6. Ermolaev, G.S. (2000), *Mikhail Sholokhov and his work (trans. from Eng.) [Mikhail Sholokhov i ego tvorchestvo (per. s angl.)]*, Akad. proekt, St. Petersburg, 441 p.
7. Ershova, N.V. (2002), *The tragic hero in the works of M.A. Sholokhov and V.M. Shukshin (novels "And Quiet Flows the Don" and "I will come to you"): Author's thesis [Tragicheskie geroi v tvorchestve M.A. Sholokhova i V.M. Shukshina (po romanam "Tikhii Don" i "Ya prishel dat' vam volyu"): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]*, Yelets, 179 p.
8. Esaulov, I.A. (1995), *Collegiality category in Russian literature [Kategoriya sobornosti v russkoi literature]*, Petrozavodsk, 288 p.
9. Father Dudko, Dm. (2012), "About Sholokhov" ["O Sholokhove"], *Lit. gazeta*, No. 18, p. 8.
10. Glushkov, N.I. (1997), *The realism of M. Sholokhov [Realizm M. Sholokhova]*, Rostov-on-Don, 61 p.
11. Glushkov, N.I. (2000), "M.A. Sholokhov national conscience in the split mirror of literary criticism today", *Sholokhov reading. The writer in the Russian national culture. Collection of articles* ["Natsional'naya sovest' M.A. Sholokhova v raskolotom zerkale literaturnoi kritiki segodnya", *Sholokhovskie chteniya. Tvorchestvo pisatelya v natsional'noi kul'ture Rossii. Sb. st.*], Rostov-on-Don, p. 131.
12. Kazin, A.L. (2000), *Philosophy of art in the Russian and European spiritual tradition [Filosofiya iskusstva v russkoi i evropeiskoi dukhovnoi traditsii]*, Aleteiya, St. Petersburg, 432 p.
13. Kostin, E.A. (2010), *Philosophy and aesthetics of Russian literature [Filosofiya i estetika russkoi literatury]*, Vaga, Vilnius, 432 p.
14. Likhachev, D.S. (1989), *Notes and observations [Zametki i nablyudeniya]*, Sovetskii pisatel', Leningrad, 607 p.
15. Matushkina, V.I., Kruglov, Yu.G. (2004), "L. Leonov and M. Sholokhov, on the role of clergy in Russian history", *Sholokhov reading. Collection of scientific works. Issue 4* ["L. Leonov i M. Sholokhov o roli dukhovenstva v istorii Rossii", *Sholokhovskie chteniya. Sb. nauch. trudov. Vyp. 4*], Moscow, p. 62.

16. Medvedev, R. (1989), "Imaginary and real mysteries" ["Zagadki mnimye i real'nye"], *Voprosy literatury*, No. 8, p. 173.
17. Mikhailov, A. (1985), "Gogol and his literary epoch", *Gogol: Past and Present* ["Gogol' i ego literaturnaya epokha", *Gogol': istoriya i sovremennost'*], Sov. Rossiya, Moscow, p. 108.
18. Petelin, V. (1999), *Leonid Leonov in his memoirs, diaries, interviews* [*Leonid Leonov v vospominaniyakh, dnevnikakh, interv'yuu*], Golos, Moscow, 624 p.
19. Pushkin, A.S. (1978), *Complete Collection of Works. In 10 vols. Vol. 8* [*Poln. Sobr. soch.: V 10 t. T. 8*], Moscow, 502 p.
20. *Russian Literature and Christianity* [*Russkaya literatura i khristianstvo*], St. Petersburg, 1996, 172 p.
21. Semanov, S.N., "Orthodoxy and Mikhail Sholokhov (on the 105th anniversary of his birth)" ["Pravoslavie i Mikhail Sholokhov (k 105-letiyu so dnya rozhdeniya)", available at: www.voskres.ru/literature/critics/semanov.htm
22. Serafimovich, A.S. (1960), "And Quiet Flows the Don", *Collection of Works. In 7 vols. Vol. 7* ["Tikhii Don", *Sobr. soch.: V 7 t. T. 7*], Moscow, p. 345.
23. Sholokhov, M.A. (1970), *At the Behest of the Soul* [*Po veleniyu dushi*], Molodaya gvardiya, Moscow, 399 p.
24. Sholokhov, M.A. (1975), *Collection of Works. In 8 vols. Vol 1* [*Sobr. soch.: V 8 t. T. 1*], Pravda, Moscow, 384 p.
25. Sholokhov, M.A. (2002), *Collection of Works. In 9 vols. Vol 8* [*Sobr. soch.: V 9 t. T. 8*], Terra-Knizhnyi klub, Moscow, 384 p.
26. Styuflyayeva, N.V. (2004), *The idea of catholicity and its artistic expression in the novel of M.A. Sholokhov "And Quiet Flows the Don": Author's thesis* [*Ideya sobornosti i ee khudozhestvennoe voploshchenie v romane M.A. Sholokhova "Tikhii Don": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*], Yelets, 19 p.
27. Yudin, V.A. (2002), "Orthodox Christian aspect of the M.A. Sholokhov's epic "And Quiet Flows the Don" ["Pravoslavno-khristianskii aspekt epopei M.A. Sholokhova "Tikhii Don"]], *Zhurnalistika: informatsionnoe prostranstvo*, No. 1, pp. 127.
28. Zhdanov, Yu.A., Davidovich E.V. (2005), "Problems of the theory and history of culture", *Essence of culture. 2nd ed.* ["Problemy teorii i istorii kul'tury", *Sushchnost' kul'tury. Izd. 2-e*], Rostov-on-Don, pp. 114-116.